

opusdei.org

БОГОСЫНОВСТВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Предлагаем вам статью
«Осознание богосыновства
как источника духовной
жизни» профессора теологии
Хавьера Сесе,
опубликованную в журнале
«Scripta Theologica».

04.05.2020

1. Из опыта святых

«Общение в духовном союзе с
Богом, душой, наполненной

любовного пыла, материнского обожания, нежных ласк для сына (...). Так Он одаривает и лелеет нас с душой, подобной материнской, вскармливающей и все отдающей ребенку, прикладывая его к своей груди. В этом познается истинный смысл слов Исайи, гласившего: «... на руках будут носить вас и на коленях ласкать» (Ис 66:12)»¹. Об этом же говорил испанский поэт и мистик св. Иоанн Креста (1542–1591) в сочинении «Песнь духа».

«Перед этими словами можно только молчать и плакать в благодарении и любви»², – добавляет св. Тереза Младенца Иисуса, вспоминая ту же цитату из Исаии и дополняя ее другими словами пророка из Писания: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис 49:15).

Поэтому св. Тереза Иисуса говорит о Боге, «Который лучше всех отцов мира, потому что в Нем не может быть ничего, кроме благого»³; и св. Хосемария Эскрива также аналогично утверждает, что Бог-Отец любит нас «больше, чем все матери мира могут любить своих детей»⁴. И взволнованно добавляет в другом месте: «Слова не в силах выразить волнение, которое овладевает нашими сердцами пред благостью Божией. Он говорит нам: *Ты сын Мой*. Не чужой, не слуга, с которым обращаются доброжелательно, не друг – хоть и это было бы уже очень много. Сын! Он даёт нам жить в благочестии и, посмею сказать, в бесстыдстве и дерзновении детей, которым Отец не может ни в чём отказать»⁵.

Эти тексты, цитируемые в начале нашего размышления, предназначены для того, чтобы

служить образцами как по форме, так и по содержанию. На самом деле я предлагаю представить богословское размышление об осознании богосыновства как источника духовной жизни, но вдохновленного опытом и учениями святых.

Я не намерен ни анализировать конкретные тексты некоторых духовных учителей, ни подавлять ученостью обширных ссылок, хотя и приведу множество примеров, поддерживающих мои размышления. Я хочу показать общий вывод, к которому меня привело чтение, исследование и, прежде всего, богословское «толкование» доктрины и духовный опыт различных святых.

Таким образом, я хотел бы представить некоторые идеи, имеющие, с одной стороны, как

можно более универсальный характер и применение, а с другой стороны, поддерживаемые противоположными богословскими авторитетами. Действительно, богосыновство, как общее и основное условие христианского бытия, может и должно помогать всем нам в духовной жизни; а опыт и учение тех, кто успешно прошел этот путь, являются лучшей гарантией как истинности того, что мы утверждаем, так и ее практической пользы.

Если все богословие, как мне кажется, должно гармонично вести к познанию божественной истины и укреплению личной святости намного больше той части науки, которая отдельно изучает христианскую святость и которую мы обычно называем духовной теологией; и если святые имеют решающее

значение для всех надлежащих богословских размышлений, то в духовном богословии они станут незаменимыми.

Я думаю, что, кроме того, мой вклад действительно может дополнить те положения, что мы слышали на симпозиуме, и не только предложить другие идеи в продолжение размышлений об образе нашего Бога-Отца, но и осветить эти идеи с другой точки зрения – перспектива, которая, я надеюсь, станет для всех живой и бодрящей, какой, без сомнения, она стала для вдохновивших на эти строки.

В качестве последнего вступительного положения необходимо отметить, что мы не должны забывать, что перед нами главная тайна нашей веры (Самого Бога), которая рассматривается с точки зрения

духовного опыта, где, в свою очередь, сокрыта еще одна тайна веры – божественная жизнь внутри христианской души. Таким образом, в этих реалиях содержится бесконечно больше сказанного здесь, а в опыте этих святых гораздо больше богатства, чем удалось извлечь богословию до сих пор. Поэтому каждое утверждение, предлагаемое здесь, открывает новые масштабные сценарии размышлений. Но это как раз и есть один из великих стимулов богословской науки и духовной теологии в частности.

2. Отцовская любовь Бога и сущность Троицы

Осмысленное чтение текстов и исследование практик, подобных упомянутому вначале, в последние месяцы привели меня сначала к убеждению, которое я считаю фундаментальной и ключевой

идеей всего, что последует далее: то, что заставляет реагировать на святых, это не осознание того, что он/она является сыном/дочерью Божьей, а с каждым разом все более глубокое и яркое понимание значимости того, что «Бог – мой Отец». То есть обнажение бесконечной божественной любви, вросшей в него или нее, живой и практической констатации того, «насколько Бог меня любит».

Святой, несомненно, осознает, *что* вызывает Божественную Любовь в его собственном существе и его собственной жизни, и он действительно ценит это; но он больше смотрит на Бога, чем на себя, он восхищается Его бесконечным величием и с удивлением обнаруживает, что все это великолепие не статично и отстраненно, а направлено к нему, Он отдает Себя ему, Он делает его

Своим без какой-либо иной причины, кроме чистой свободы Его божественной Любви.

Эти чувства присутствуют, в частности, в текстах, цитируемых в начале, но возьмем другие важные слова, в данном случае св. Терезы де лос Андес, чтобы помочь нам сделать еще несколько шагов: «Наш Господь сказал мне, что Он хочет, чтобы я жила в постоянном общении с Ним, потому что Он так сильно меня любил (...) Тогда Он сказал мне, что в моей душе пребывает Пресвятая Троица, которой я поклонялась (...) Моя душа была сокрушена (...). Я видела Его бесконечное Величие и то, как Он сошел, чтобы соединиться со мной, жалким ничтожеством. Он – Безграничность – с малостью; Мудрость – с неведением, Вечное – с ограниченным созданием; но, прежде всего, Красота – с

уродством, Святость – со грехом.
Затем, в глубине моей души,
очень быстро Он дал мне познать
любовь, которая излилась из Него
и нашла меня (...) Я увидела, что,
(...) воссоединяясь с таким жалким
существом, Он хочет
отождествить меня со Своей
сущностью, избавляя от Его
страданий, обожествляя меня так,
чтобы я достигла высот Его
бесконечного совершенства»⁶.

Подкрепленные тем, что только
что прочитали, выделим две
другие фундаментальные идеи,
которые я считаю
неотъемлемыми от уже
обозначенных ранее: Бог –
Всемогущий, Безмерный, Вечный,
Бесконечный, Неизменный и т. д.,
который является нашим Отцом и
любит нас со всей нежностью
материнской ласки, которую мы
помним с рождения. И
одновременно Он – Троиединый

Бог, Который преподносит себя таким образом не только потому, что Он раскрывает нам тайну Своей триединой сущности, но и потому, что Он погружает душу в эту самую сущность.

Я не имею в виду вывод о том, что сказанное должно быть именно таким, потому что таков Бог; но говорю о том, что живое осознание святыми этой божественной отеческой Любви, переворачивающей душу и проникающей до самых ее глубин, включает в себя три неразрывно связанных аспекта, сочетание которых порождает интенсивность и глубину их внутренней реакции: любовь Бога ко мне так же близка и интимна, как любовь матери к ее новорожденному ребенку (первый аспект); не потому, что Он соизволил дать мне какие-то крохи Своей бесконечной любви, а

потому, что Он полностью и по-настоящему отдает Себя, как есть, во всем Своём величии и бесконечности (второй аспект); и неопровержимым доказательством того, что это так, является тот факт, что Бог отдает Себя мне, как отдал Себя Своему Сыну (третий аспект): Он – мой Отец, как и Отец Иисуса; мое родство – это участие в таком же родстве с Его Сыном; и Его любовь ко мне подобна Любви, которой Он любит Своего Сына: Он отдаёт мне Свою отцовско-сыновнюю Любовь, которая есть Святой Дух.

Иными словами, опыт и учение святых – отголосок того, о чём говорится в Писании, – показывает нам, что, с одной стороны, только в лоне самой Троицы и по причине того, что Она берет на себя инициативу раскрываться и отдавать Себя, возможна истинная близость с

Богом, истинный обмен любовью, истинные отцовско-сыновние отношения; и с другой стороны – или, вернее, как следствие – только таким образом Бог становится действительно моим и всё Его принадлежит мне, не переставая при этом быть Божьим.

Святой глубоко осознает, что через изумление и бесстрашие он наставляется любви и смирению, этому прекрасному сочетанию; что если бы Бог любил меня «как бы пребывая вне Его», то есть не тринитарно, то не был бы настоящим Отцом. Он был бы, в лучшем случае, только подобным или небогатым отцом, пусть даже способным подарить нас бесчисленными подарками и проявлениями привязанности, пытаясь завоевать наши сердца, но не проникая в него, потому что душа, в конце концов, интуитивно

поняла бы, что это окольная любовь, скорее заинтересованная, что это не настоящая отцовская любовь.

Однако Воплощение Иисуса Христа, Его смерть за нас, дар Его Духа, тринитарная жизнь души говорят нам, что Бог – это истинный Отец, который любит меня лично (можно сказать *трилично*), выходя за рамки даров и особых даяний, какими бы прекрасными они не были ... Да что они? Душа, которая понимает и чувствует это, глубоко осознает особые дары и даяния, потому что, во-первых, она знает, что они от Него, со всем богатством Его Собственной бого-тринитарной жизни.

Будем настаивать на этой важной доктрине, воспроизводящей точный теологический синтез, вышедший из-под пера св. Эдит

Штайн: «Душа, в которой Бог живет по благодати, это не просто безличный экран, в котором отражается божественная жизнь, а скорее она (душа) сама находится в этой жизни.

Божественная жизнь – это тринитарная, трёхличностная жизнь. Это переполняющая Любовь, с которой Отец порождает Сына и передает Ему Свою Сущность, с Которой Сын получает эту Сущность и возвращает ее Отцу; Любовь, в которой Отец и Сын – это одно и то же, и Они Оба выдыхают ее Их общим Духом. Благодаря этой благодати Дух изливается в наши души. Таким образом, это приводит к тому, что душа живет по благодати Святого Духа, любит в Нем Отца любовью Сына и Сына – Любовью Отца»⁷.

3. Уникальность отношений Отца и Сына

Разберем еще немного эти основные идеи. Святая душа – это душа, особенно осознающая не только то, насколько и как Бог любит, но и неповторимость Его Любви: насколько Он любит *меня* и как Он любит *меня*. Что Он не просто Отец, а *мой* Отец; не просто Любовь, а *моя* Любовь.

Вот почему святой осмеливается обращаться к Богу теми же словами, что и Иисус: «Мой Отче», «Авва», Папа! Хорошо известно, почему он может это сказать и говорит, исходя из Духа Отца и Сына, который живет в его душе, как вспоминает св. Павел (Рим 8:14-17 и Гал 4:4-7) ... Но говорит! И тогда «Отче наш» достигает своего истинного значения: Отец мой, Отец твой и его Отец ... каждого из тех, кто в Иисусе Христе.

Это то, что предлагает св. Хосемария Эскрива: «Мы скажем

Ему вместе с апостолом Павлом «Abba, Pater», *Авва, Отче*. Ибо Он, Творец Вселенной, не требует, чтобы мы называли его величественными титулами. Ему безразлично наше признание Его суверенного господства! Он хочет, чтобы мы называли Его Отцом и наслаждались этим словом. Он хочет исполнить радости наши души»⁸.

Бог, таким образом, мой Отец (очень-очень близкий, сокровенный), ...но не перестающий быть моим Богом. И это имеет важные последствия: вся сила, слава и величие, доброта, истина и божественная красота – для человека ...
Конкретно для меня! Всё это моё по праву сына! Безусловно, не заслужено, не выиграно и не завоевано, а просто получено по благодати всемогущего Господа, Который снизошел со Своей

величественной высоты. Просто получено как бесспорный акт, который Его Сын совершил для меня со всеми вытекающими отсюда последствиями... И это, без сомнения, намного больше и потрясающе, хотя практические результаты кажутся одинаковыми.

Я говорю «кажутся», потому что на самом деле результаты неодинаковы. Думаю, что многие дерзновения – например, апостольские, – которые мы видим в жизни святых, объясняются только тем, что «используют» власть Бога так, как будто, образно выражаясь, она уже их сыновняя собственность, по праву унаследованная. Или, скорее, как власть, исходящая от Самого Бога, действующего в глубине души, а не просто как дар для применения, полученный извне; свободным даром и со

свободным применением,
предоставленным донором. Кроме
того, только с этой точки зрения
возможно сохранить баланс
между бесстрашием и смирением,
которого придерживаются святые.

Немного уточнив, можно сказать,
что истинное осознание
богосыновства – это осознание не
только того, что это мой Отец и
мой Бог, но и мой Бог-Отец,
который мне, Своему сыну,
передает с Ним и Его Духа; то есть
глубокое понимание Единства в
Троице и Троицы в Единстве. И в
этом – баланс между
трансцендентностью и близостью
Бога, между Его величием и
удивительным
самоуничижением, чтобы стать
моим, нашим.

Это то, о чем сказано, среди других
возможных свидетельств, в одном
из наиболее известных отрывков

из «Обители» св. Терезы Иисуса: «она (душа, которая входит в седьмую обитель) понимает с великой истиной, что все Три Личности – Единосущны, Одна Сила, Одно Знание, Один Бог (...). Здесь с ней общаются Все Три Лица, и говорят, и поясняют слова Господа в Евангелии: «кто любит Меня, тот соблюдет Слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин 14:23). О, Господи! Сколь различно слышать эти слова и верить (как обычно слышат и верят) и понимать вот так, каковы они на самом деле! И с каждым днем душа изумляется все больше»⁹.

И это то, что св. Иоанн Креста разъясняет в своем «*Пламени любви живой*» (*Llata de amor viva*) уже в прологе: «Нет ничего более удивительного, чем то, что Бог оказывает такие высокие и

чудесные милости душам, которые Он одаривает. Потому что, если подумать, что есть Бог, и что Он делает как Бог, с бесконечной любовью и добротой, это не покажется неразумным, ибо Он сказал, что к тому, кто возлюбит Его, придет Отец, Сын и Дух Святой, и Они будут жить в нем (Ин 14:23); что надлежит и ему (т. е. любящему) жить и обитать в Отце, Сыне и Духе Святом, в житии Божиим»¹⁰.

Вернемся далее к тринитарным аспектам этой реальности.

Углубляемся дальше в черты отцовско-сыновнего родства, которые раскрываются святым через эту божественную Любовь.

Доверие и отказ, имеющие место в реалиях божьего, обычно очень заострены, но согласно курсу, отмеченному в начале нашего размышления, настаиваю на том,

что святой прежде всего фокусируется на том, как Бог любит и относится к нему, так что у него нет выбора, кроме как довериться и отказаться от себя. То есть такое отношение не столько результат личных аскетических усилий (хотя эти усилия тоже присутствуют), сколько, прежде всего, позволение себе отдаться Богу, только тогда можно говорить об отказе! Хотя это всегда активный, свободный и сознательный отказ со стороны сына.

Об этом говорит, например, св. Франциск Сальский: «Если не будете просты, как дети, не войдете в Царство Отца Моего» (Мф 10:16). Маленький ребенок очень прост: он знает только мать, у него только одна любовь – к матери, только одно стремление – колени матери; он ничего не хочет, кроме как,

расслабившись, притулиться к ним. У совершенно простой души есть только одна любовь – Бог, и в этой любви только одно устремление – отдохнуть, как любящий сын, приклонившись к груди Небесного Отца, предав все заботы Ему, оставить все и пребывать только в этой святой любви»¹¹.

С другой стороны, именно «сочетание» божественности-отцовства-любви присутствует в тринитарном даре души, включая в себя реальность богосыновства, которое и вызывает у святых глубокий отклик сыновней любви, энтузиазма, подлинного любовного «безумия». Об этом говорится в молитве, например, св. Терезы Младенца Иисуса и св. Хосемарии Эскрива: «Позволь тебе сказать в преизбытке моей благодарности, да, позволь сказать, что любовь твоя доходит

до безумия ... Как же ты хочешь, чтобы перед таким исступлением сердце мое не бросилось к Тебе? Как же не познать границ моего доверия ...?»¹². «Как Ты любишь меня, Господи! Я знаю об этом. – Так почему же я не обезумел от счастья?»¹³.

4. Отцовская любовь Бога проявляется в Иисусе Христе и Святом Духе

Давайте еще раз посмотрим на тринитарную перспективу, о которой мы говорили ранее. На самом деле мы не должны забывать о двух богословских реалиях, которые тоже особенным образом присутствуют в душах, ведущих глубокую духовную жизнь, и они еще больше приближают их к цели.

Во-первых, Сын – это Образ Отца, и, воплотившись, Он приблизил этот образ к нам еще и в том

смысле, что теперь мы можем созерцать «воплощение Любви» Бога-Отца: в Иисусе мы видим, ощущаем и испытываем эту божественную «очеловеченную» Любовь; и это имеет решающее значение как для интеллектуального приближения к этой реальности, так и для сыновнего ответа с нашей стороны, который обязательно будет человеческим. То есть, в Сердце Иисуса, в Его бого-человеческих поступках, в Его проявлениях любви христианская душа становится более сознательной и более остро чувствует родительскую Любовь Бога: как Бог любит меня, как Он «очеловечивает» эту Любовь (телесно и духовно), помимо того, раскрывая пути истинной сыновней любви, научая, кто есть Сын по своей природе.

С другой стороны, мы становимся Его детьми не только в Сыне, но и через Воплощение Иисуса Христа, что и есть гарантия истинности нашего божественного родства, как объясняет св. Иоанн Авильский: «Неописуемая милость заключается в том, что Бог делает Своими сынами детей человеческих, червей земных. Более того, чтобы мы не сомневались в этой милости, св. Иоанн приводит и другие слова: «И Слово Божье стало плотью» (Ин 1:14). Как сказано: «Всегда верьте, что люди рождены от Бога посредством духовного усыновления, принимая большее, что, как гарантия этого чуда, есть другая великая вещь, Сын Божий, ставший человеком и сыном земной женщины»¹⁴.

Если смотреть с другой точки зрения, родство с Иисусом – это не только родство с Воплощенным

Словом, но и с Отцом, от Которого Он пришел и Который послал Его для нас (*для меня*, чтобы открыться каждому в личной и уникальной манере, я подчеркиваю это). Возрастая таким образом одновременно в родстве с Отцом и с Сыном, растет и «разница» в отношениях с ними, точно так же, как растет живое осознание того, что я дитя Отца в Сыне, что я приближаюсь ко Христу...

Это обобщено в известных словах св. Хосемарии Эскрива, тесно связанных с вышеупомянутой цитатой св. Терезы Иисуса, и приводит нас ко второму обещанию: «Если мы так любим Христа, если мы с Божественной отвагой ищем укрытия в ране, оставленной копьём в Его груди, то исполнится обетование Учителя: мы полагаемся на истину о том, что копьё пронзило

Его ребро, то будет исполнено обещание Учителя: «Кто любит Меня, тот соблюдет Слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» (Ин 14: 23). Поэтому важно умение сердцем различать Божественные Ипостаси и поклоняться каждой из них в отдельности. Совершая это открытие в духовной жизни, мы уподобляемся малым детям, постепенно постигающим законы жизни материальной. Мы учимся разговаривать любовно с Отцом и Сыном и Святым Духом; и легко подчиняемся воздействию животворящего Утешителя»¹⁵.

Действительно, со своей стороны (и это вторая идея, неотделимая от предыдущей, поскольку сама тайна Троицы неделима) Святой Дух – это бого-сыновняя Любовь Отца и Сына, ради которой я стал дитем Божьим в Иисусе Христе.

Параклит не только делает меня дитем Божьим, Он учит меня быть им и принуждает действовать как Его дитя, но, прежде всего, как первопричина, он побуждает меня участвовать в той же бого-сыновней Любви во Христе; и в этом участии Он показывает мне практически и живо, что есть отцовская Любовь Бога в Иисусе, потому что Он Сам – Дух Отца и Сына – и есть Любовь.

Поэтому также близость со Святым Духом, которую душа ищет и получает, обязательно является близостью с Отцом и Сыном как потому, что Они есть и любят друг друга как Отец и Сын, так и потому, что все трое являются Богом; а в родстве со Святым Духом христианин возрастает как отдельная божественная Личность в той степени, в какой он осознаёт, что

значит быть сыном Отца в Его Сыне через Святого Духа.

Давайте обратимся к молитве св. Екатерины Сиенской об этом: «О вечная Троица, о Боже!

Божественная природа придала значение крови Твоего Сына. Ты, вечная Троица, – глубокое море, в которое чем больше погружаюсь, тем больше нахожу, а чем больше нахожу, тем больше ищу Тебя! Ты неутолим, наполняешь душу Твоей бездной, а она не насыщается, потому что постоянен голод по Тебе, Вечная Троица, в желании видеть светом в Твоем свете (...) О, вечная Троица, огонь и бездна милосердия! (...) Через практику и свет понимания вижу свет Твоей бездны и красоту существования. Посему, вечная Троица, глядя на себя в Тебе, я видела Твой образ, соучаствовала в Твоей силе, Отец вечный, и в Твоей мудрости. Эта

мудрость принадлежит Твоему Единородному Сыну. Святой Дух, исходящий от Тебя и Твоего Сына, дает мне желание, потому я способна любить. Ты действуешь, вечная Троица, и я – Твое творение! Я знаю, что Ты возлюбил красоту Своего объекта в новом творении, которое Ты создал из меня кровью Твоего Сына. О бездна, о вечное Божество, о глубокое море! Чего же более Ты мог для меня сделать, чем отдать Самого Себя?»¹⁶.

5. Милость Бога-Отца

Во всем, что до сих пор было сказано, мы видели, как осознание богосыновства вызывает не только щедрую ответную любовь Бога, но и озаряет душу очень важными вещами о самом Боге; светом, безусловно, вызывающим значительный духовный рост, а

также помогает богослову в его научном исследовании божественных тайн. Я хочу продолжить свое размышление в этом русле, углубляясь в это биномное родство – величие, с которым мы приобретаем божественное отцовство.

Осознание божьего отцовства означает (я уже подчеркивал это) осознание личной любви Отца во Христе через Святого Духа к каждому из Его сыновей и дочерей. Помимо прочего, это означает и то, как ее чувствуют и особенно живо выражают святые – божественную живую любовь, настоящую и действенную, непрекращающуюся и горячую, и в то же время конкретную, полную очень личных черт Божьей любви к каждому чаду как таковому, в которой бесконечная божественная способность к любви адаптируется к условиям и

потребностям каждого из нас. И чем больше душа святая соответствует этой любви, тем больше Бог ее шлифует, скажем так, удивляя изяществом и деликатностью любви самого лучшего из отцов и матерей.

Все это дает святому особое понимание Божьей доброты, далекое от простого теоретического утверждения. Ежедневно, изо дня в день, она проявляется в его собственной жизни вплоть до глубокого потрясения. Здесь мы имеем дело с одной из самых деликатных проблем, возникающих в сознании человека, когда он представляет личность Бога-Отца, – с проблемой зла. Речь пойдет не о сложных, часто обескураживающих и даже травмирующих для человека моментах, а о точке зрения, как минимум, раскрывающей опыт

святых, проливающего свет на размышления о зле.

Можно сказать, что святые подходят к вопросу от Самого Бога. Другими словами, они не пытаются сгенерировать опыт зла в мире с уверенностью в бесконечную божественную доброту, ища тот сложный баланс, в который часто ввязывается философско-богословская рефлексия, не приводя к цели. Скорее, они смотрят на всё с точки зрения родства, данного Троицей, в котором божественная доброта, прежде всего, все та же отцовско-сыновняя любовь, в которой они призваны участвовать, и мир, и человек рассматриваются с точки зрения Бога – Творца и Искупителя. И это до такой степени, что вместо того, чтобы пытаться объяснить зло, создается впечатление, что оно как проблема для них вовсе исчезло,

потому что в Самом Боге зла не существует.

Это то, о чем они говорят, например, вот такими словами св. Томаса Мора к его старшей дочери из лондонского Тауэра: «Моя дорогая дочь, никогда не беспокой свою душу тем, что может случиться со мной в этом мире. Не может произойти ничего, кроме того, чего захочет Бог. Я уверен, что чем бы это ни было, каким бы плохим это ни оказалось, это будет самое лучшее»¹⁷.

Так же и св. Хосемария Эскрива относится к ситуациям, объективно менее драматичным, но в которых христианская душа тоже может сокрушаться и теряться: «Страдания? Смятение, вызванное различными жизненными происшествиями? Неужели ты не видишь, что этого хочет Бог Отец твой... Что Он

добр... И Он любит тебя больше, чем все матери мира могут любить своих детей!»¹⁸.

Действительно, из этого опыта близости к Богу неоспоримо следует, что то, что мы обычно называем физическим злом, никогда настоящим злом не является; а что касается действительно истинного зла, греха, то оно всегда проявляется в свете Божественного Милосердия и добра, которое Сам Бог всегда извлекает из него.

6. Бог-Отец милосердный

Отцовское Милосердие Бога, исходящие из Его сердца Любовь и Добро содержат особую силу в осознании богосыновства. Не могу сейчас останавливаться на всех его последствиях, но хочу подчеркнуть в том же ключе, что и наше размышление, что более значительным в опыте святых

мне видится не столько
Милосердие при
предусматриваемом прощении, а
Любовь, которая не может не
включать прощение. Дело не в
том, что мой Отец меня прощает, а
в том, что мой Отец меня любит, и
поэтому Он меня прощает; в том,
что Его сердце действительно
любит меня как сына, независимо
от конкретики моих добрых или
плохих поступков.

Я бы сказал, что святой навряд ли
рассматривает грех как таковой,
но только в контрасте,
помогающем оценить, насколько
Бог любит его лично, не
привязывая Его любовь к
правильному или неправильному
ответу сына. Притча о блудном
сыне, о которой мы так много
говорили и писали, в этом смысле
несомненно символична. Чего
хочет сын больше всего в этой
притче – это прощение. Но

находит он любовь! Отцовская любовь, конечно, включает прощение, но она идет намного дальше. Сын не только принят Отцом обратно, но и понимает, что никогда не терял Его; что он может быть плохим сыном, но Отец никогда не перестанет быть хорошим Отцом, потому что Он действительно любит сына таким, каков он есть, до глубины души и от всего сердца!

Понятно, что святых это потрясает до такой степени, что становятся понятны, например, вот эти слова св. Терезы Иисуса: «Господь души моей, кто не убоится милосердия, столь великого, и милости, столь щедрой, к такому уродливому и отвратительному вероломству? Не знаю, почему сердце мое не разрывается, пока пишу это, потому что я убога»¹⁹. Или другие слова св. Хосемария Эскривы о реакции отца в притче: «Вот слова

Святого Писания: *Он целовал своего сына долго, словно вбирая его в себя. Можно ли употребить более человеческий язык? И есть ли образ, способный лучше передать силу Божией Любви к человеку?»²⁰.*

Милосердие обычно проявляется, по сути, в опыте и учении святых как великое испытание Божественной отеческой любви, а также Сердца Его воплощенного Сына, Который является Его точным Образом: воплощением самым потрясающим, самым утешающим, самым нежным ... Поэтому это ключевой аспект для лучшего понимания всего сказанного выше и того, что будет сказано далее. А в случае святых, добрая часть их понимания божественной Любви и обильного ответа на благодать происходит именно из их личного опыта,

переживания живого и
деятельного Милосердия Бога.

Идем дальше. Как мы только что
видели в притче о блудном сыне,
Божественное Милосердие
укрепляет убежденность, что мы
все достойны отеческой любви
Бога: никто ее не потеряет, каким
бы греховным он ни был.

Напротив, всё побуждает нас
думать о божественной
«слабости» к грешнику. До такой
степени, что св. Августин или св.
Тереза Младенца Иисуса говорят о
существовании «превентивного»
милосердия Бога; потому что они
понимают, что даже для
христианина, в какие-то моменты
искренне не осознающего своих
серьезных грехов, истина о том,
что Бог его очень любит и потому
многое прощает (см. Лк 7:40-47), не
перестает быть истиной.

Цитаты из размышления св.
Терезы из Лизьё:

«Знаю также, что Иисус *простил мне гораздо больше, чем Святой Марии Магдалене*, Он простил меня *заранее*, не давая мне упасть. Как бы я хотела суметь объяснить то, о чем я думаю...! Приведу пример. Предположим, сын очень опытного врача нашел на дороге камень, о который споткнулся, упал и сломал конечность. Его отец немедленно прибежал, осторожно поднял его и вылечил травму, применяя все свои научные знания. И вскоре сын, полностью поправившийся, благодарит. Какие могут быть сомнения в том, что у сына есть множество причин любить своего отца!»

«Но предположу другое. Отец, зная, что на пути сына лежит камень, поспешил обогнать его и

убрать этот камень (так, чтобы никто не видел). Разумеется, нежно, «превентивно» любимый сын, НЕ ЗНАЯ о несчастье, от которого избавил его отец, не будет благодарить и *любить отца меньше*, чем в случае лечения перелома... Но если он узнает об опасности, от которой отец его избавил, разве он не будет *любить отца больше?*»

«Ну хорошо, я – та дочь, объект «превентивной» любви *Отца*, который послал Свое Слово, чтобы спасти не *праведников*, но *грешников*. Он хочет, чтобы я *любила* Его, потому что Он *простил мои грехи*, не большинство их, а все! Он не ждет, что я полюблю Его, как святая Мария Магдалина, но Он хочет, чтобы Я ЗНАЛА, насколько Он меня любит любовью нежной и предупредительной, такой, что теперь я безумно Его люблю...!»²¹.

7. Милосердие Отца и Сына

С другой стороны, понимание того, насколько велика милосердная Любовь Бога-Отца к каждому из Своих детей, обычно достигает своего зенита в размышлениях о тайне Креста с точки зрения не только потрясающей жертвы Иисуса за мои грехи, но и щедрости Отца, отдавшего Сына Своего, и принятия Его.

Об этом говорит, например, св. Августин, перефразировав св. Павла и св. Иоанна: *«О сколь же Ты возлюбил нас, Отче благой, что Сына Своего единственного не пощадил, предав Его нечестивым за нас! (см. Рим 8:32) Сколь Ты возлюбил нас, ради которых Он, не почитая хищением быть равным Тебе, был послушным даже да смерти, и смерти крестной (см. Флп 2:6), Он, один*

свободный среди мёртвых, имеющий власть отдать Свою жизнь и имеющий власть опять принять её (см. Ин 10:18). Ради нас пред Тобою Он Победитель и Жертва, и потому Победитель, что Жертва; Священник и Приношение ради нас пред Тобою, и потому Священник, что Приношение; Он сделал нас из рабов чадами Тебе, от Тебя рождённый, нам служащий»²².

Все это обилие доказательств Божественной Любви и Милосердия дает новые импульсы к проявлениям сыновнего отношения, отважного и решительного, души, увлеченной и движимой Богом. Вернемся к молитве св. Екатерины Сиенской к Богу-Отцу:

«О милосердие, от Божества исходящее, вечный Отче, владыка мира! По милосердию Твоему мы

сотворены, по милосердию Твоему
рождены заново кровью Сына
Твоего; живем Твоим
милосердием; по Твоей милости
Сын Твой бьется распятой на
кресте десницей со смертью за
жизнь и жизнью со смертью (...) О
Милосердие! В мыслях о Тебе
трепещет сердце мое, потому что о
чем бы ни думала, везде вижу
только Твое Милосердие. О,
бесконечный Отче, прости мое
невежество! Но любовь к Твоему
Милосердию по Твоей милости
оправдывает меня»²³.

На самом деле довольно часто в
молитвах святых размышления о
Милосердии Отца и Иисуса Христа
до такой степени перемешаны,
что кажутся запутанными, и это
один из случаев, когда они обычно
относятся как к Иисусу, так и к
Отцу. Так, например, в молитве св.
Альфонса Марии де Лигуори: «Ты
Сам, мой Иисус, которого предали

за меня, Ты стал моим заступником: «И Он – умилоствление за грехи наши» (1 Ин 2:2). Посему не хочу снова оскорблять Тебя новым неверием, не доверяя Милосердию. От всей души жалею о том, что отвергал Тебя, о высшее Добро, соизволивший принять меня по Твоей благодати, что пролил кровь за меня. Отец... я не достоин называть себя Твоим сыном (Лк 15:21). Нет, Искупитель и Отец мой, я не достоин быть Твоим сыном, потому что много раз отвергал Твою любовь! Но Ты соделал меня достойным Твоими заслугами. Благодарю Тебя! Отец мой, благодарю! Я люблю Тебя!»²⁴.

Таким образом, с новой точки зрения мы вновь обнаруживаем тесную связь между отцовской любовью Бога и искупительной жертвой Его Сына, которая является лишь отражением того,

что Сын получает от Отца в Троице: всей Его божественной реальности и, следовательно, всей Его бесконечной Любви, той Любви, с которой Отец, Сын и Святой Дух любят и прощают нас.

8. Близость Бога

При созерцательно-рефлексивном пути, аналогичном тому, что мы только что обсудили, говоря о Добре и Милосердии, богосыновство, возникающее из божественного освящения, ведет к его логическому завершению, а также придает нам другие божественные характеристики. И, углубляясь в них, духовная жизнь снова растет, желая больше соответствовать этой неисчерпаемой божественной Любви.

Безмерность Бога и Его *вездесущность*, например, проявляются как активное, живое

и эффективное присутствие Бога в каждом из Его детей; как особая, любящая и интимная реальность для души; присутствие Отца, «заинтересованного и участвующего» в делах сына, малых и больших, значительных и курьезных. Душа действительно чувствует, что Бог-Отец смотрит только на нее, а ее жизнь во Христе и активное присутствие Духа всегда напоминают об этом и побуждают действовать соответственно.

Точно так же божественная *Вечность* переживается как полнота присутствия и любящий дар Божий каждому во всякое время, вливая в его душу все богатство божественного существа, участвуя в вечном предании Отца Сыну и Святому Духу. Это не та вечность, что обозначает конец моего времени, а вечность, обращённая в мое

время, которому она придаёт качество вечности. И во всем этом Вочеловечение Слова снова играет решающую роль, так что душа раскрывается настолько, что Бог действительно интересуется всем человеческим и временным.

Вся эта реальность лежит в основе, например, того, что было выражено в словах из книги св. Хосемарии «Путь», о которых мы говорили вначале: «Мы должны понять, что Господь – всегда рядом. – Мы живём так, словно Он – где-то там, в дальней дали, на небесах, за пределами нашей повседневной жизни. Но Он – всегда рядом. – Никакая мать не в силах так любить своё дитя, как Он любит каждого из нас. – Он заботится о нас, помогает нам, благословляет... и прощает (...). Пусть сердце наше исполнится уверенности в том, что Отец наш любит нас, что Он – наш

истинный Отец, сущий на небесах и пребывающий здесь, с нами»²⁵.

Или обратимся к другим размышлениям и советам св.

Терезы Иисуса: «Вы, конечно же, можете поверить, что там, где Его Величие, и есть вся слава.

Посмотрите, что говорил святой Августин – что он искал Его во многих местах и, в конечном счете, пришёл к Нему, найдя Его в себе²⁶. Подумайте, как мало нужно опустошенной душе, чтобы понять эту истину и увидеть, что ей нет нужды ни просить Нетленного Отца, чтобы попасть на небеса или получить от Него дар, ни кричать в голос! Поговори с Ним, Он так близко, что слышит нас! Не нужны крылья, чтобы искать Его. Уединись и загляни внутрь себя! Не удивляйся такому хорошему гостю, но с великим смирением поговори с Ним как с отцом, попроси Его как отца,

расскажи Ему о делах, попроси лекарство, понимая, что не достойна быть Его дочерью»²⁷.

С другой стороны, вечность Бога как отсутствие начала и конца, относится также и к святому, что означает бесконечность любви Божьей к каждому. Как сказал св. Франциск Сальский: «Посмотрите на вечную любовь, которую Бог проявил к вам прежде, чем вочеловеченный Иисус Христос пострадал за вас на Кресте! Его Божественное Величие ввело вас в Его высшую милость и возлюбило вас с самого начала. И когда Он полюбил тебя? Когда Он стал Богом. А когда Он стал Богом? Никогда, потому что у Него нет начала и конца, и поэтому Он любил тебя всегда, вечно. И вечно для тебя были готовы благодеяния и милости, которые Он тебе даровал»²⁸.

В тесной связи с вышеизложенным *неизменность* перестает быть изначально отрицательным атрибутом, который, кажется, отделяет нас от Бога, а предстает, скорее, как жизнь, полная интенсивной деятельности, богатая и совершенная, которая оборачивается в каждой душе истинной Отцовской любовью настолько, что в этой сыновней близости душа чувствует, что Бог «взволнован» ее личными переживаниями, как каждый хороший отец по-родительски, с любовью, реагирует на чувства, потребности и проблемы своего сына.

Конечно, Бог не переживает в смысле «претерпевает изменения», но по себе живет весьма интенсивно бесконечной любовью Его отношений с нами, так же, как живы и интенсивны

отношения в лоне Троицы. То есть Бог действительно любит и «живет» Своей любовью к каждому сыну и дочери; и поэтому Он фактически участвует во всех превратностях их судеб, хотя и не меняется в том смысле, в каком это означает несовершенство.

Тем не менее, святой обычно идет еще дальше, потому что через Вочеловечение Иисуса Христа он понимает, что Бог хотел также приблизиться к вопросам ответственности опыта Своих детей: Он хотел «очеловечить» Свою любовь, не перестающую быть Божественной. И это глубоко трогает по двум причинам: потому, что Бог таким образом, без сомнения, становится ближе к человеку, и потому, что Он не перестает быть Богом. Потому что Он, подчеркиваю еще раз, великий и потрясающий, Он,

прежде всего, мой Отец и мой Бог одновременно, и что Иисус – это Богочеловек, который раскрыл мне чудеса богосыновства, ни на йоту не уронив величия, а отдав его нам.

Давайте посмотрим на это с другой стороны. Осознание Божьего отцовства означает, что у Бога есть настоящие «отцовские чувства», совершенные в любви; поступки, которые любящая душа ощущает воистину «новыми», «другими» в каждый момент близких отношений с Богом настолько, что понимает, что любима по-особенному, не как другие дети, и что ежедневно и ежечасно с ней происходят разные вещи, не безразличные поистине отеческой и материнской любви.

Только так после размышления о святых можно представлять себе

богословскую глубину, подобную той, о какой говорила св. Тереза Младенца Иисуса, и преодолеть соблазн ее поверхностного определения как, к примеру, девичья «наивная благочестивость»:

«У меня сформировалось такое высокое представление о небе, что иногда спрашиваю себя, удастся ли Богу удивить меня после моей смерти? (...) В любом случае, я думаю, что отныне, если не буду чувствовать себя достаточно удивленной, то притворюсь ею, чтобы угодить Богу. Ничего страшного, если кто-то увидит мое разочарование, но я буду лезть из кожи вон, чтобы Он этого не заметил. В остальном у меня получится всегда быть счастливой. Чтобы добиться этого, у меня есть свои маленькие надежные трюки... Кроме того, для меня достаточно видеть

радостным Бога, чтобы быть абсолютно счастливой»²⁹.

Возможно ли притвориться, чтобы «обмануть» Бога? Если взглянуть на слова святой, смею предположить, что, как минимум, Господь сделает так, что Святой Терезе, похоже, удастся обмануть Его, потому что, видя прекрасную душу, отцовское сердце подобное Божьему, может только сдаться.

Наконец, не претендуя на исчерпывающий список божественных характеристик, давайте посмотрим еще на то, как рассматривается *всемогущество* Бога с точки зрения сыновней близости с Ним. Это не та власть, которая доминирует и подчиняет, а «находится в моем распоряжении», которая даже предполагает мое вовлечение, потому что я Его сын и наследник со всеми вытекающими отсюда

последствиями. Его *провидение* – это не сторож или диспетчер, и даже – что еще хуже – не кукловод, который перебирает нити моей жизни, как будто я марионетка. А тот, кто изъявляет волю любящего Отца, постоянно и усердно заботящегося о благе Своих детей, в том числе и прежде всего, Его свободе, дарованной во имя нашего сотворения и освобождения Иисусом Христом на Кресте.

9. Значимость Бога и богосыновства

В общем, значимость Бога для души, полностью осознающей, что значит быть чадом Божьим, – это не что-то далекое и безразличное, а близкое и личное. То есть осознание того, что все величие Бога, само по себе кажущееся недостижимым и непостижимым, находится от сына на расстоянии

вытянутой руки не потому, что он в силах достать, а потому, что это дается Им как истинно любящим Отцом. Это убеждение звучит и в письме св. Терезы де лос Андес подруге: «Поверь мне, искренно говорю тебе: раньше я думала, что невозможно влюбиться в Бога, которого я не вижу, которого не могу погладить. Но сейчас, положив руку на сердце, говорю тебе, что Бог полностью воздает за эту жертву. Да так, что чувствуешь любовь и ласки нашего Господа, который, кажется находится рядом. Я чувствую Его так близко, что не могу желать большего, кроме как блаженно увидеть Его на небесах. Я чувствую себя переполненной Им, и в этот момент я прижимаю Его к сердцу, умоляя о познании тонкостей Его любви. Нас ничто не разделяет. Куда бы я ни пошла, Он со мной в моем бедном сердце. Он –

убежище, где я живу. Он – мое небо здесь, на земле»³⁰.

Последняя фраза («небо на земле») относится к душе и взята чилийской святой из трудов Блаженной Изабель де ла Тринидад, которая ее часто использовала и объясняла так: «Отче наш, сущий на небесах (Мф 6:9). На этом маленьком небе, которое Ты сотворил в центре души, мы должны искать Тебя и прежде всего там, где мы живем (...), «чтобы поклоняться Тебе в духе и истине» (см. Ин 4:23). То есть через Иисуса и с Ним, потому что Он является единственным истинным поклонником в духе и истине. А мы, будучи дочерьми Божьими, узнаем по опыту истину слов Исайи: «на руках будут носить вас и на коленях ласкать» (Ис 66:12). В самом деле, единственное занятие Бога, похоже, состоит в том, чтобы

наполнить душу лаской и свидетельствами любви, как мать берет сына и кормит его своим молоком. О, давайте же слушать таинственный голос нашего Отца. «Дочь моя, – говорит Он нам, – отдай Мне свое сердце!» (см. Пс 23:26)»³¹.

Однако ту же мысль о «небесах на земле» можно рассмотреть под другим углом, как предлагает св. Хосемария Эскрива в проповеди, прочитанной в кампусе Наваррского университета в 1967 году: «Уверяю вас, дети мои, когда христианин делает с любовью самое ничтожное дело, дело это преисполняется славой Божией. Потому я и твержу, постоянно подчеркиваю, что христианин призван творить высокую поэзию из житейской прозы. Нам кажется, дети мои, что земля и небо смыкаются у горизонта, а они смыкаются у нас в сердце,

когда мы освящаем будничную жизнь»³².

Таким образом, родственность отцовско-сыновней связи с Богом проецируется на всю реальность, окружающую жизнь христианина: на мир, рассматриваемый с точки зрения Милости нашего Создателя-Отца, на мир, наследниками которого мы являемся. Это объясняет тему проповеди основателя этого университета: «Любите мир страстно!», так страстно, как мы любим нашего Бога-Отца³³.

Мне кажется важным на этом этапе нашего размышления указать на еще одну данность, глубоко переживаемую святыми (присутствующую также в процитированных отрывках), но не всегда хорошо понимаемую в некоторых спекулятивных соображениях по нашей теме.

Божественная трансцендентность означает истинную близость, да, но «другую». Более того, что чудесно для святого, так это то, что Бог, являющийся тем, Кем Он является, есть Мой Отец. Он, связанный со мной, продолжает оставаться тем, Кто Он есть. Это любовь и союз двух, Отца не сына и Сына не Отца. И, кроме того, я – сын, потому что Он Сам захотел сделать меня им.

Это обожествление не является путаницей, кроме того, святая душа чувствует, что если бы была какая-то мешанина или путаница, то она не была бы подлинной любовью, потому что ее не получали бы так щедро, заслуживая так мало; и не было бы больше всего, что превращалось бы в ничто; и еще предполагается, что, если бы было равенство «условий» с Богом, эта любовь потеряла бы очарование.

Лично мне, несмотря на убогость любого сопоставления этого образа, он помогает понять и объяснить ощущение близости святых к Божьей любви, которая преодолевает бездну, раскрытую Его человеческим состоянием и личными страданиями. Это образ, повторяющийся в разных литературных жанрах: бедная девушка, в которую влюбляется великий князь, или нищий, всеми унижаемый и презираемый, о ком в один прекрасный день все с большим изумлением узнают, что его настоящий отец – царь³⁴.

Воспользуюсь этим моментом, чтобы отметить, что в основе того, о чём было сказано выше, лежит фундаментальное отношение Сына Божьего, отношение, которое является основной добродетелью духовной жизни, это – смирение. Это родство возносит меня на такую высоту

близости к Богу и обожествления, о которой я не мог себе даже представить. И поэтому Бог становится моим, а не потому, что я перестаю быть жалким творением или грешником. Более того, чем более интимен этот союз с Троицей, тем более в это же время святая душа ощущает бездну, отделяющую ее от Бога, и тем более она ценит Его Любовь и Его Милосердие, вновь включаясь в очередной цикл влюбленности и реакции на эту любовь, в эту захватывающую спираль, ведущую к святости.

10. Осознание богосыновства и путь к святости

Мы приближаемся к концу нашего размышления, но я хочу кратко упомянуть два аспекта, которые мне кажутся решающими в понимании духовной жизни с точки зрения

богосыновства. Первый присутствует на протяжении всего выступления и проистекает из знакомых нам слов, завершающих первую часть Нагорной проповеди: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48).

Говоря об универсальном призыве к святости, обычно из всех библейских ссылок обращаются именно к этой. Однако, развивая то, что этот призыв подразумевает в христианской жизни, акцент иногда ставится – и это верно, но, на мой взгляд, слишком односторонне – на подражании Иисусу Христу. С другой стороны, мне кажется, что объяснение самого Иисуса в тот момент Отцу раскрывает другие смыслы значения христианской святости, которую мы все ищем, и того, как ее достичь.

По сути, эти слова Господа говорят нам о величии и дивности цели, ни на йоту ее не преуменьшая и в то же время преумножая нашу уверенность и желание ее достичь: если бы Он не был моим Отцом, Его совершенство было бы недостижимым; если бы Он не был Богом, моя уверенность бы поколебалась, а мое желание не было бы таким жгучим, потому что цель была бы не такой замечательной и желанной, самой вожденной из всех.

На самом деле, когда мы размышляем о подражании Иисусу Христу, которого нельзя отделить от Отца, происходит что-то параллельное: если бы Он не был таким же человеком, как я, как же трудно было бы следовать за Ним! И если бы Он не был Богом, какой небольшой силой Он обладал бы, чтобы помогать мне, и какое же небольшое

побуждение Он нашел бы в Своем ученике. А можно найти и другой смысл, размышляя о том, что значит быть храмом Духа Святого и идти с Ним во главе по нашему пути святости.

Но если эти соображения параллельны, мне кажется, что они не могут пересекаться без искажения самой реальности тринитарной тайны и нашего участия в ней: я действительно сын Бога-Отца, в Его Сыне, через Духа Святого, и моя святость исходит оттуда и возрастать должна в тех же тринитарных координатах до цели, сейчас невидимой, но которая остается той же божественно-тринитарной: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин 3:2).

Таким образом, душа несется, особенно по мере роста осознания этого отцовско-сыновнего отношения с Богом, она летит к святости... Блаженная Изабель де ла Тринидад писала после фрагмента из св. Иоанна, приведенного только что: «В этом заключается образец святости детей Божьих: быть святым, как Бог свят; быть святым Его святостью и жить ею с Ним на глубине бездонной пропасти, в *нашем материальном мире*»³⁵.

11. Отцовство Бога и Материнство Марии

Наше последнее размышление привело нас от божественного отцовства к материнству Марии. Но давайте остановимся на словах св. Людовика Марии Гриньон де Монфор: «Бог Отец дал миру Своего Единородного Сына через Деву Марию (...). «Мир в то время

был недостойн принять Сына Божьего из рук Отца, – говорит св. Августин, – и Он даровал Его Марии, чтобы мир обрёл спасение через Нее»³⁶. Сын Божий стал человеком ради нашего спасения, но был рождён и явлен миру Марией. Мария зачала Сына от Духа Святого, но лишь после того, как Тот спросил её согласия через одного из первых ангельских слуг Своих»³⁷.

Согласно этим соображениям хочу подчеркнуть взаимосвязь между божественным отцовством и материнством Марии, которая с момента этих особых отношений Святой Марии с Троицей вливается в нас. Более того, таким же образом, каким я настаивал на осознании богосыновства как понимания Божьего отцовства, хотел бы указать на необходимость взглянуть на Марию не только как на образчик

родства и рассматривать не просто ее духовное материнство, происходящее из ее материнских отношений с Иисусом Христом, но и из ее уникальных отношений с Отцом, как Отцом Иисуса, и Святым Духом, как связующим звеном в лоне Троицы.

Как следствие этого, именно в материнской любви Марии мы лучше почувствуем и поймем, живо и очень «по-человечески», отцовскую любовь Бога, в которой она участвует уникальным образом; и особенно в ее «материнских» проявлениях – тех самых, которые послужили отправной точкой нашего выступления и неоднократно появлялись на всем его протяжении в высказываниях святых. Давайте снова услышим одного из них, этого великого учителя любви к Марии (св. Людовика Марию Гриньон де

Монфор), которого мы только что цитировали выше:

«Матерь Непорочной Любви освободит твое сердце от всякого сомнения и рабского страха, чтобы ты мог открыться Богу и принять Его, чтобы ты мог предаться Сыну Божьему и исполнить волю Его о тебе, чтобы дать тебе свободу, ибо отныне ты – не раб, но дитя Божье. Тогда ты обретёшь в сердце твоём сокровище чистой любви, которой владеет Пресвятая Дева, и отныне не страх перед Богом будет вести тебя, но милосердная любовь Его к тебе и твоя любовь к Нему. Ты познаешь, что Бог – твой любящий Отец, и будешь стремиться постоянно угождать Ему, и, как ребёнок к доброму родителю, с доверием будешь обращаться к Нему во всякое время. Если по несчастью ты оскорбишь Отца Всемогущего, тут же ты

предстанешь пред Ним и в смирении попросишь прощения, и Он с любовью поднимет тебя с колен. Не бойся и не смущайся, следуй по избранному пути и не отчаивайся»³⁸.

Источники

«Осознание богосыновства как источника духовной жизни» профессора теологии Хавьера Сесе, опубликованную в журнале «Scripta Theologica», 31 (1999/2).

1. Святой Иоанн де ла Круз, *Песнь духа*, 27, 1.

2. Святая Тереза Младенца Иисуса, *Автобиографические рукописи*, Ms. B, 1 v°.

3. Святая Тереза Иисуса, *Путь к совершенству*, гл. 27, 2.

4. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Путь*, № 267.

5. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Христос проходит рядом*, № 185.

6. Святая Тереза де лос Андес (Тереза Андийская), *Дневник*, № 51.

7. Святая Эдит Штайн, *Наука Креста*, Бургос, 1989, стр. 207–208.

8. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Христос проходит рядом*, № 64.

9. Святая Тереза Иисуса, *Обители VII*, гл.1, 6–7.

10. Святой Иоанн де ла Круз, *Пламя души живой*, пролог, № 2.

11. Святой Франциск Сальский, *Духовные беседы*, № 16, 7. Здесь также указывается на интересную богословско-духовную проблему отношений между богосыновством и духовным детством, на которой мы не

можем остановиться в рамках этих размышлений; хотя можем отметить, что все, что касается доверия и отказа, несомненно, является одним из ключевых моментов.

12. Святая Тереза Младенца Иисуса, *Автобиографические рукописи Ms. B, 5 v°*.

13. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Путь*, № 425.

14. Святой Иоанн Авильский, *Audi, filia*, 19.

15. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Ближние Господа*, № 306.

16. Святая Екатерина Сиенская, *Диалог*, гл.167.

17. Святой Томас Мор, *Одинокий человек. Письма из Тауэра*, Мадрид, 1988, № 7

(Письмо Маргарет Алисе, август 1534 года, рассказывающее о длительном свидании с ее отцом в тюрьме).

18. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Кузница*, № 929.

19. Святая Тереза Иисуса, *Жизнь*, гл. 19, № 5.

20. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Христос проходит рядом*, № 64.

21. Святая Тереза Младенца Иисуса, *Автобиографические рукописи Ms. A, 38 v°-39 r°.*

Подчеркивания, выделения слов и заглавные буквы всегда оригинальны и нестандартны у святых. Текст св. Августина, который, возможно, более или менее непосредственно вдохновил св. Терезиту, гласит так: «*Что я воздам Господу за то, что моя память воскрешает такое,*

а душа не устрашается? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю Тебя, и исповедаю имя Твоё, ибо Ты простил мне столько скверных и нечестивых моих дел. Милости Твоей и милосердию Твоему я обязан тем, что разрешились грехи мои, как лед. Милости Твоей я обязан и тем, что не совершил иных злодеяний. Ведь чего бы я только не натворил, коль возлюбил преступление бескорыстно? И признаю: все эти прегрешения – и те, что совершил я по своей воле, и те, которые не совершил, благодаря твоему водительству, – были мне отпущены. Кто из людей, сознавая свою немощь, дерзнет поставить в заслугу собственным силам своё целомудрие и невинность, тем самым, станет меньше любить Тебя, будто он уже не так нуждается в милосердии, по которому Ты прощаешь грехи обращающимся к Тебе? Пусть же

человек, по зову Твоему
последовавший за Тобою и
избежавший того, о чём он
прочтёт в моих воспоминаниях и
признаниях, не осмеивает меня:
ведь исцеление пришло ко мне от
Врача, Который его самого
сохранил от недугов, или, лучше
сказать, от меньших недугов.
Потому он должен будет любить
Тебя так же – или нет, поистине
даже больше, чем я, ибо видит, как
избавился от такого греховного
нездоровья благодаря Тому, Кто,
как он видит, не дал ему увязнуть
в таком же греховном
нездоровье» (*Исповедь*, книга II, гл.
7).

22. Святой Августин из Гиппона,
Исповедь, книга X, гл. 43.

23. Святая Екатерина Сиенская,
Диалог, гл. 30.

24. Святой Альфонс Мария де Лигуори, *Новенна Рождества*, первая новенна, размышл. 7
25. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Путь*, № 267.
26. См. Святой Августин из Гиппона, *Исповедь*, книга X, гл. 27.
27. Святая Тереза Иисуса, *Путь к совершенству*, гл. 28, 2.
28. Святой Франциск Сальский, *Руководство к благочестивой жизни*, часть V, гл. 14.
29. Святая Тереза Младенца Иисуса, *Последние беседы*, *Желтая тетрадь*, 15.5.2.
30. Святая Тереза де лос Андес (Тереза Андийская), *Письма*, № 40.
31. Блаженная Изабель де ла Тринидад, *Небеса на земле*, *День девятый*.

32. Святой Хосемария Эскрива де Балагер, *Беседы*, № 116.

33. Более глубокое размышление об отношениях между богосыновством и освящением мира выходит за рамки этих строк, но следует отметить, что это ключевой момент в учении Святого Хосемарии Эскривы.

34. На этот второй образ ссылается св. Хосемария Эскрива в: *Кузница*, № 334.

35. Блаженная Изабель де ла Тринидад, *Небеса на земле, День девятый*.

36. См. Святой Августин из Гипсона, *Проповедь ССХV*, №. 4: PL 38, 1074.

37. Святой Людовик Мария Гриньон де Монфор, *Трактат об истинном почитании пресвятой Девы Марии*, № 16.

38. Святой Людовик Мария
Гриньон де Монфор, *Трактат об
истинном почитании пресвятой
Девы Марии*, № 215.

pdf | document generated
automatically from [https://opusdei.org/
ru-ru/article/bogosynovstvo-kak-
istochnik-dukhovnoi-zhizni-2/](https://opusdei.org/ru-ru/article/bogosynovstvo-kak-istochnik-dukhovnoi-zhizni-2/)
(15.03.2026)